

© ЭО, 2005 г., № 5

Э.Г. Александренков. Рец. на: **С.А. Арутюнов, С.И. Рыжакова.** *Культурная антропология*. М.: Мир, 2004. 216 с.

Эта рецензия появилась из желания высказаться по поводу идей, изложенных в книге, и в меньшей мере – с намерением отметить увиденные, на мой взгляд, недостатки. Как написали авторы, они “рассказали о некоторых, самых важных темах, исследуемых в рамках культурной антропологии” (с. 201). Вот что они посчитали необходимым донести до читателей, судя по названиям глав: предметная область; антропогенез и ранняя история; этносы, этногенез и этническая история; народы древние и молодые; культура и ее функции (здесь же – общества и культуры); производящее хозяйство, цивилизации и историко-культурные области мира; историческая память и повседневность; адаптивное значение культурного полиморфизма; культура и язык; секс, брак и семья; культуры, народы и религии.

Во вступлении приведены разные точки зрения на то, что такое антропология. По мнению авторов, важнейшей особенностью культурной антропологии как науки является ее “пограничное положение между естественными и гуманитарными дисциплинами”. Авторы хотят представить культурную антропологию как систему научного анализа, как единое исследовательское поле и как особое мировоззрение (с. 9).

В целом введение – нужное, познавательное, удобоваримое. Может быть, шире и четче следовало представить хронологические изменения в понимании науки. В частности, в той стране, на которую мы нередко ориентируемся, она когда-то называлась этнологией, свидетельством чего является поныне существующее Бюро американской этнологии, название которого не изменилось, несмотря на величайший авторитет Ф. Боаса, благодаря которому в университетах США ее стали называть антропологией. Затем часть антропологии расщепилась на культурную и социальную, а с 1960-х годов ее стали все чаще объединять, называя социокультурной. Но главные изменения не в смене названий, а в том, что от изучения человечества в целом эта наука перешла к изучению ареалов культуры, отдельных народов (поначалу аборигенных – tribes, по тогдашней терминологии, а потом и современных), затем отдельных общин, семей и даже отдельных людей. Другое общее направление перемен – от преимущественно доклассовых обществ к разным группам индустриального общества.

В первой главе рассмотрена “предметная область исследования”. Вот что здесь находим. «В определенной мере можно сказать, что термины “этнография”, “этнология”, “культурная/социальная антропология” синонимичны» (с. 12). Далее: «Семантическому полю слова “этнография”, бытующему в русском языке, наиболее полно в западной языковой традиции соответствует термин “антропология”, в особенности с определением “культурная” и “социальная»» (с. 13). В таком случае не ясно, зачем уже известное название менять. Авторы все же намечают для себя некоторые различия: “исходной позицией культурной антропологии является изучение культурных черт, социальной антропологии – социума, этнологии – этноса и/или этничности” (с. 15). Этнографии места вообще не нашлось. Почему, явствует из фразы выше: “В настоящее время в учебных заведениях России культурная антропология отчасти сменяет существовавшую до сих пор исключительно только как вспомогательная историческая дисциплина этнографию. Это обусловлено сменой научной парадигмы, а именно осмыслением антропологического знания как имеющего не только прикладной характер, но как фундаментальной исследовательской дисциплины” (с. 9). Непонятно, почему “парадигму” нельзя было сменить в рамках этнографии. Тем более, что, строго говоря, дисциплины не де-

Эдуард Григорьевич Александренков – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН.

лятся на фундаментальные и нет. Фундаментальными или нет считаются исследования в какой-то дисциплине, в том числе и гуманитарной.

После утверждения о том, что важным объектом исследования и этнографа, и антрополога являются “человеческие сообщества в так называемых традиционных культурах” (с. 17), авторы сообщают, что антропология и этнография города – еще мало разработанные области исследования (с. 18). Точнее было бы сказать, что они менее разработаны. Так, в книге тридцатилетней давности (*Urban anthropology* 1973) названия работ по городской антропологии расположены на с. 425–489.

Одним из важнейших путей обогащения любой культуры авторы признают заимствование (с. 19), при этом склоняясь к давней идее, что “заимствования одного народа у другого чаще происходят в элитарной среде” (с. 20). На мой взгляд, заимствования точнее будет осмысливать не на уровне народов или социальных групп, а на уровне индивидов. Оно могло происходить от барина к слуге, иногда наоборот – от раба к рабовладельцу (особенно известны примеры из танцевальной и в целом музыкальной культуры колониальных стран) и, конечно, между господами и между негосподами. Это заимствование зависело от обстоятельств. Что заимствовали испанцы у аборигенов Америки при ее завоевании и колонизации? Местное мировоззрение (поддерживаемое элитами) испанцев не только не интересовало, но отвергалось ими, уничтожалось. Испанцы взяли то, что требовалось им в то время для выживания – местные сельскохозяйственные растения (да и знания о диких), способы приготовления из них пищи, архитектуру жилищ и строительные материалы, в меньшей мере – одежду. И эти вынужденные заимствования имели место не на уровне элит. Едва ли следует считать, что ситуации такого рода были исключением в истории человечества. Авторы и сами признают, что “в постоянном круговороте обмена культурным достоянием между различными слоями общества, соседними народами и субкультурами происходит развитие культуры этноса и социума” (с. 20).

Привлекательна мысль о том, что “для хорошего культурно-антропологического анализа необходимо не только правильно очертить круг исследовательских вопросов и выбрать источники: особенно ценен взгляд исследователя” (с. 22). Но наличие собственного взгляда на изучаемое ценно как для этнографии, так и для любой гуманитарной и естественной науки.

Авторы задались вопросом: “Зачем нужна культурная антропология в современном обществе”? (с. 25). Первый довод – немалое прикладное, практическое значение. Вторая причина – “умение видеть глазами другого” (с. 25). Провозглашенная в начале фундаментальность антропологии в сравнении с этнографией отодвинута дальше, в конец главы. “Наиболее принципиальное, философское осмысление результатов антропологических исследований состоит в том, что они позволяют опознать масштаб диапазона адаптивной вариабильности форм человеческого поведения, его культурных норм, пока они не охвачены условностями стратифицированного и ранжированного общества, мировыми религиями и нивелирующим процессом” (с. 26).

По поводу этого утверждения есть несколько соображений. Первое – в подобном осмыслении я не вижу отличия от этнографического. Второе – условности стратифицированного и ранжированного общества, мировые религии и процессы урбанизации – далеко не одинаковы в разных частях мира и даже в пределах одного общества, что оставляет место для различий и их осмысления. Далее, почему антропология (или этнография) не может или, лучше того, не должна заниматься тем, что является (или кажется) общим для человечества? Как известно, именно общими вопросами она долго, особенно на протяжении XIX в., да и позже, занималась.

Далее идет глава об антропогенезе и ранней истории человечества. Интересный очерк, в котором нет ничего нового по сравнению с тем, как к этому периоду в истории человечества относятся этнографы.

Гл. 3 отведена этносам, этногенезу и этнической истории. Здесь к месту и очень ясно изложены принципы трех объяснений этничности: объективистская, конструктивистская и инструменталистская. Авторы справедливо полагают, что “и в формировании, и в поддержании активности этноса в зависимости от конкретных исторических условий большую или мень-

шую роль могут играть и примордиальные, и инструментальные, и даже чисто конструкционные факторы” (с. 50). Сами они, похоже, более склонны придерживаться еще одной концепции, коммуникативной. В главе обращено внимание на структуру этноса и на важность изучения “отдельных составляющих культуры”, особенно языка. Приведена типология этносов, в том числе с точки зрения “коммуникативных связей”.

Гл. 4 – “Народы древние и молодые” – показалась мне очень интересной, особенно примеры в ней, среди которых с сожалением не увидел латиноамериканских. Здесь приведены классификации народов: по языкам, областям, цивилизациям, хозяйственно-культурным типам.

Гл. 5 – “Культура и ее функции. Общества и культуры”. Даже по объему видно, какое значение придают авторы именно этой части науки. “Общества и культуры, – пишут они, – главный объект исследования культурной антропологии” (с. 69). Естественно, возникает вопрос, а каковы не главные, что осталось вне общества и культуры?

Интересны рассуждения о понимании культуры и ее объяснении (с. 73). Авторы считают логичным делить традиционную культуру на подсистемы (это членение названо “цветком культуры”): производственную, жизнеобеспечения, соционормативную и гуманитарную. Именно с помощью подсистем культуры, по их мнению, “реализуются отношения людей между собой” (с. 78–80). Авторы признают две “собственно этнографические системы классификации народов” – по историко-этнографическим областям и по хозяйственно-культурным типам (с. 84).

Гл. 6 – о производящем хозяйстве, цивилизации и историко-культурных областях мира (с. 95–118). В ней я тоже не увидел ничего специфического, культурантропологического. Непонятна фраза о совпадении конца верхнего палеолита с зарождением производящего хозяйства (с. 95). Обычно зарождение такого хозяйства относят к неолиту, а между ним и верхним палеолитом размещают мезолит (этот период упоминают и авторы). Очень мил пассаж о беззаботной жизни у кромки ледника (с. 96–97). После его прочтения поневоле подумаешь, что библейские воспоминания о рае следует перенести географически и, может быть, углубить на несколько десятков тысяч лет.

Авторы считают, что “только с появлением производящего хозяйства можно говорить о формировании историко-культурных областей” (с. 103, см. также 108–109). Возникает вопрос: чем историко-культурные области (ИКО) отличаются от упоминавшихся прежде историко-этнографических областей? Кроме того, еще в 1959 г. А.А. Формозов только на территории Европейской части СССР выделял в каменном веке несколько областей, которые он называл этнокультурными, в том числе и на территориях, где производящего хозяйства не было (Формозов 1959).

Рассмотрено соотношение историко-культурных областей и цивилизаций. Показано, что цивилизации сложились не во всех ИКО. Элементами цивилизации названы город, социально стратифицированное общество, оформленный способ правления и письменность. Авторы высказывают мысль о том, что “для цивилизации естественно стремление распространиться, расширить свои границы” (с. 107). По-моему, подобный взгляд на цивилизации затемняет причины их расширения. Мотивом расширения территорий цивилизации было, как представляется, не их “стремление распространиться”, а интерес “цивилизаторов” в лице вождей и аристократии. Как и сейчас, их главным интересом было не *распространить* города, храмы и ремесленные площадки, а *взять* – готовый продукт, сырье или рабочую силу. Для этого приходилось в новых местах строить центры светской и духовной власти (города и храмы) и гораздо реже – промышленные площадки.

Интересно написано об изменениях в некоторых элементах культуры – в керамике (с симпатичным очерком о каше), орудиях труда, жилище.

По этой главе есть одно замечание относительно ранних цивилизаций в Америке. В книге сказано, что в I тыс. до н.э. возникли андская (инков) и мезоамериканская (майя, ацтеков и других народов) цивилизации (с. 105). Инкское государство возникло и существовало в первой половине II тыс. н.э., ацтеков – тогда же, майя – в I тыс. н.э. Если авторы имели в виду истоки

культуры названных государств, то их отыскивают во II тыс. до н.э. и, возможно, дальше вглубь.

В гл. 7 представлены взгляды авторов на историческую память и повседневность (с. 119–128). Здесь мне показалось интересным противопоставление повседневности и обрядов перехода. По мнению авторов, “людям удобнее и комфортнее, когда они живут не в абсолютно диффузном, едином потоке, а в структурированном, упорядоченном и разнообразном ландшафте” (с. 126). Могу предположить: кому как. Если ландшафт разнообразен, но слишком структурирован и упорядочен (кем-то), мне, например, он надоест. В этой же главе показано, что “художественная культура, искусство распределены на оси между повседневностью и значимыми, выделяемыми особенными событиями” (с. 127).

Не соглашусь с представлением об антропологии XIX в. как лишь о фиксировавшей явления (с. 119). Достаточно вспомнить эволюционистские интерпретации того, что изучалось (фиксировалось).

В гл. 8 – “Адаптивное значение культурного полиморфизма” – авторы задались вопросом: “Почему человечество во все более или менее известные нам эпохи своего существования подразделяется на группы и не становится совершенно гомогенным?” (с. 129). Ответ они видят, и, на мой взгляд, справедливо, в адаптации людских сообществ к специфическим природным, а затем и социальным нишам. В главе много говорится об избыточности культуры и значимости этой избыточности в адаптации человека к среде. В трактовке Э.С. Маркаряна и авторов культура выглядит предусмотрительным существом, имеющим непонятно откуда взявшиеся запасы изобретательности. Конечно, можно это считать метафорой, но делает ли она более понятными культурные процессы? На мой взгляд, если говорить о необходимости некоей избыточности в приспособляемости человека, то рациональнее предположить ее в физиологии и мозгу человека, который благодаря им каждый раз приравнивается к новой среде, создавая новые варианты культуры, а не извлекая их из мифических запасов культуры. В главе идет речь и об ограничителях культуры, которые могут быть разными у разных народов. Авторы предполагают, что как “вариабельность и способность к восприятию заимствований и инноваций, так и ограничители на них... в равной мере имеют адаптивную ценность” (с. 146).

У авторов прослеживается некоторое опасение или неприятие “общемировой урбанистической культуры”, которая “содержит сравнительно мало ограничений и практически не знает святынь” (с. 148). Состав ее не определен, поэтому непонятно, куда относятся музеи, театры, оперы, консерватории, библиотеки и т.д. И неужели в этих местах ограничения и поведенческие предписания направлены только “на создание минимальных этикетных условий, общепонятной среды и поведенческого кода для чужих и далеких друг от друга людей”? Что же касается “этикетных условий”, то их в мировом городе тоже немало, особенно связанных с различиями в социальном положении и материальном достатке индивидов, да и в политической ориентации. И вообще, так ли уж единообразна в своих проявлениях “общемировая урбанистическая культура”? В этой главе, возможно, следовало сказать о явлении нынешней городской культуры, которое получило название “транснациональность” – наличие в городах иммигрантских анклавов, в которых нет необходимости переходить на “национальные” или “общемировые городские” стандарты языка и культуры.

Протест у меня вызвало утверждение о том, что “глубокое человеческое общение на основе безэтнической мировой культуры (в том числе и общесоветской) невозможно, так как она содержит слишком мало соционормативных компонентов, регулирующих общение в различных сложных и интимных ситуациях” (с. 149). Я имел счастье общаться с разными людьми – в армии, в университете, в Институте этнографии, на Кубе. С литовцем, с которым служил во второй половине 1950-х годов, и который живет в Литве, сохраняя человеческое, и, смею утверждать, глубокое общение. Такое же общение было и с недавно умершим евреем (с ним тоже познакомился в армии), и с туркменом (в университете), увы, тоже ушедшим, то же – с несколькими кубинцами. Это общение возникло и стало глубоким не потому, что они были литовцем, туркменом, евреем, кубинцем, а я русским, т. е. обладали некоей этнической

культурой, а по какой-то другой, скорее всего, необъяснимой (или требующей долгого объяснения) причине. А на чем держится глубокое общение людей из одной этнической среды, не задумывающихся о ней?

Невозможность глубокого межэтнического общения на безэтнической основе авторы иллюстрируют примером негативных изменений в культуре сельских жителей, оказавшихся в городе. Но такие же изменения можно наблюдать и у сельчан, не перебравшихся в город. И их “одичание” (термин авторов) едва ли достаточно объяснить тем, что городская культура вытеснила культуру их деревни.

Что касается ношения одежды и соответствующих пословиц, то и в старые времена, похоже, если и встречали по этнической одежке, то провожали по уму. Я думаю, что и в будущем будут разные шапки (к с. 150), но не потому только, что каждый наденет ту, что носят (или носили) в его деревне, а и потому еще, что в урбанизированной культуре есть индивидуально выражающие себя модельеры и художники и ремесленники другого рода, а также пользователи их продукции.

Хотелось бы знать мнение авторов относительно того, почему “никто не помышляет предложить массовому европейскому клиенту блюда из саранчи” (с. 144), при том, что этот клиент может курить когда-то бывший экзотическим табак (разве вдыхать дым не столь же странно, как и есть саранчу?).

Следующая глава отведена соотношению культуры и языка. Она мне понравилась, пожалуй, больше других – общими рассуждениями о языке, о принципах группирования языков, их типологии, о возможностях установления древнего родства между отдельными языками и языковыми семьями. К сожалению, осталось необъясненным противоречие между идеей о том, что чем проще язык, тем сложнее уровень цивилизации, и утверждением, что самые упрощенные языки – пиджины (с. 154–155).

Гл. 10 – “Секс, брак и семья”. Видимо, главная ее идея – “сексуальное поведение, как и принятие пищи, становится культурно обусловленным” (с. 167). Затронуты вопросы “промискуитета”, полигамии, брачных обрядов, форм искусственного родства и др., мимоходом отмечено, что в ряде стран наблюдается кризис семьи (с. 168). Из приведенных примеров очевидными становятся различия отношений между полами не только в разных обществах, но и в разных социальных слоях одного и того же общества. В целом глава очень познавательна и, как и остальные, насыщена живыми примерами и образно написана. Так, особенности семейных отношений в одной из групп Индии подчеркнуты фразой: “Выйти замуж девушка может за кого угодно, хоть за ближайшую кокосовую пальму” (с. 178).

Последняя гл. 11 – “Культуры, народы и религии” – начинается так: “Религия – явление в высшей степени сложное, комплексное, она объединяет и социальные институты, и административное устройство, и психологические установки, и образ жизни человека. К сфере религии относятся вопросы бытия вообще, основные жизненные ценности человека. Зачастую именно религиозные представления и установки организуют повседневную жизнь человека, а также выступают в виде основных стимулов, мотивирующих людей к совершению действий и поступков” (с. 187). Прекрасно сказано, и содержание главы интересно, особенно понравился раздел о шаманах. Авторы даже дают совет, как отличить “мнимых колдунов и шаманов” от “истинных специалистов священного” (с. 199). Жаль только, что к интересам культурной антропологии не отнесен атеизм, и о его существовании читатель узнает лишь из почти случайного упоминания “вульгарных атеистов” (с. 199). А ведь множество людей живут без религии, хотя и их беспокоят вопросы бытия вообще и основных жизненных ценностей. И об этом молодой читатель тоже должен знать.

В заключении авторы ставят вопрос о месте культурной антропологии среди других наук в такой форме – “можно ли говорить о ней в целом как о естественной науке... или же она больше тяготеет к гуманитарным дисциплинам?” (с. 201). Отвечают они на него, используя идеи К. Гирца о культуре: «культурная антропология – это наука, но особого рода, а именно – интерпретативная наука, имеющая дело с объективным и всеобщим знанием, но учитывающая также и субъективное, индивидуальное “восприятие”, “понимание” и интерпретацию

объективной реальности». «Специфика собственно антропологии в современном поле» авторам видится «прежде всего в интенсивном и детальном исследовании системного поведения людей» (с. 202). Обращено внимание на трудность изложения (передачи другим) увиденного и со временем понятого. «Интерпретация и описание – вот два столпа, находящиеся в основании перевода опыта конкретного полевого исследования в научные факты» (с. 203). При этом, по мнению авторов, «интерпретация адекватна той реальности, с которой она связана, когда правдоподобна (в большей или меньшей степени), описание же адекватно, когда правдиво» (с. 204). Хорошо бы для лучшего понимания привести пример.

Завершая книгу, авторы высказывают надежду, которую нельзя не разделить – «умение понимать исследуемую культуру сообразно с ее внутренним строем, с одной стороны, и навыки, дающие возможность ее максимально точно и рельефно представить, выразить на языке науки, и будут по-прежнему составлять главный арсенал средств в искусстве антропологии XXI в.».

В книге есть список рекомендуемой литературы. Помимо учебников (21 книга, появившаяся с начала XX в., большей частью уже в его конце – почти исчерпывающий список), это также перечень общих трудов на русском и иностранных (преимущественно английском) языках и справочная литература на двух языках. Заметно полное отсутствие работ по Латинской Америке (как отечественных, так и зарубежных). Это значит, что латиноамериканский материал слабо представлен в контексте изучения мировой культуры. А там создано много работ, которые стали классическими в мировой этнографии, как по собранным материалам, так и по их интерпретациям, среди которых концепции транскультурации, культуры завоевания, культуры нищеты, перехода от сельской культуры к городской и др.

Конечно, в библиографиях пора уже называть интернетовские сайты, среди которых много серьезных, содержащих сведения о программах, отдельных ученых и проблемах, материалы о международных и региональных совещаниях, а также отдельные статьи, книги и даже серии книг (в частности, Canadiana.org воспроизводит книги по Северной Америке, начиная с XVII в.).

Рецензируемая книга обильно снабжена иллюстрациями, взятыми из источников первой половины XIX в. Они придают книге шарм... и лишний раз убеждают меня в том, что данная культурная антропология не включает изучение современности (в частности, острейшие социальные проблемы) и мало чем отличается от прежних этнографий и этнологий. На это обращаешь внимание с самого начала и дальше в этом убеждаешься. Неоднократно, особенно в начале книги, в тексте присутствует пара «антропология» («культурная антропология») и «этнография» (с. 9, 17, 18, 25, 34).

На мой взгляд, стремление сдвинуться от «этнографии» и «этнологии» к «культурной антропологии» (как в других случаях – от «этнографии» к «этнологии») – это намерение представить свою науку более солидной («фундаментальной») посредством изменения ее названия. Эта надежда проскользнула во фразе: «Классическая этнография в будущем может потерять свой привычный предмет исследования, но пограничные направления – как и, разумеется, культурная антропология в целом – будут развиваться» (с. 22, см. также на с. 94). Причину изменения названия науки я вижу не в научных обстоятельствах, а вне их, что тоже имеет право на существование. Может быть, и, правда, это поможет выжить (адаптироваться).

И последнее. Книга хорошая, умная и дает представление о той науке, которую авторы посчитали возможным назвать культурной антропологией. Поэтому хотелось бы, чтобы она пеиздавалась и чтобы с ней познакомилось как можно больше читателей.

Литература

- Формозов 1959 – Формозов А.А. Этнокультурные области на территории европейской части СССР в каменном веке. М., 1959.
Urban anthropology 1973 – Urban anthropology: Cross-cultural studies of urbanization / Ed. A. Southall. N.Y.: Oxford University Press, 1973.